

В.К.ДОНСКОЙ

Разгром Восточного факультета ДВГУ*

На основе архивных материалов УКГБ по Приморскому краю, ранее недоступных исследователям., освещаются события 1937 г. на Восточном факультете Дальневосточного государственного университета. Автор приводит краткие биографические сведения о репрессированных, о «технологии» следствия; убедительно аргументирует версию о причинах возникновения данного дела.

Defeat of Orientalism Faculty of Far Eastern State University. V.K. DONSKOY (Society for Amur Region Study: 50, Svetlanskaya St., Vladivostok, 690600).

The author describes events had occurred in 1937 at Orientalism Faculty of Far Eastern State University. The article is based on KGB Primorye Territory Headquarters's archival materials, that used to be inaccessible for researchers. The author gives information on "technology" of investigation, strong arguments for his version of emerging that proceedings.

24 мая 1899 г. состоялось высочайшее утверждение Положения о Восточном институте г.Владивостока и его штате, а 21 октября того же года открылись двери института. Так было положено начало системе высшего образования на Дальнем Востоке России, и так началась жизнь дальневосточной науки. К началу первой мировой войны Восточный институт стал одним из центров российского востоковедения. В марте 1920 г. по решению Временного правительства на базе Восточного института во Владивостоке был образован Государственный дальневосточный университет (ГДУ) (в двадцатых же годах, но уже при советской власти, стал называться Дальневосточным государственным университетом), который включил также частные факультеты — юридический и историко-филологический. К этому времени владивостокская школа востоковедения располагала прочной научной и педагогической репутацией, а владивостокские востоковеды имели мировую известность. С установлением советской власти в 1922 г. часть специалистов Востфака оказалась в эмиграции, но все же местная школа востоковедения во главе с профессором Е.Г.Спальвиным не только сохранилась, но и окрепла за счет выпускников разных лет и востоковедов из Ленинграда.

Лихорадить Дальневосточный университет начало в 30-х годах, в разгар борьбы с «врагами народа». Восточный факультет не мог не оказаться под при-

*В работе над очерком использовались архивные материалы УКГБ (ФСБ) Приморского края, бывшего Краевого партийного архива, Приморского краевого и Центрального государственного военно-исторического архивов. Имена и отчества некоторых участников событий не удалось восстановить.

целом: преподаватели владели иностранными языками, часто бывали за границей и публиковались там, располагали научными связями за рубежом, а главное — многие были непролетарского происхождения. Тогда «приняли меры» к сотрудникам университета: выгнали с работы И. Клюкина, выслали из Владивостока А. Маракуева — ученых-китаистов, арестовали японистов Т. Юркевича и Ц. Бадмаева¹.

Волна репрессий достигла на Дальнем Востоке максимума высоты во второй половине 1937—первой половине 1938 года. Начало положил приезд в августе 1937 г. бригады во главе с комиссаром госбезопасности III ранга Генрихом Люшковым², который заступил на пост полномочного представителя НКВД по ДВК (с совмещением должностей начальника Управления НКВД по ДВК и начальника особого отдела НКВД ОКДВА). Вскоре после его назначения все руководство дальневосточных управлений НКВД было созвано на совещание в Хабаровск и арестовано. А в Приморье на должности начальника управления НКВД воцарился капитан госбезопасности М. И. Диментман (впоследствии был арестован и расстрелян в 1941 г.).

Больше всего пострадал Восточный факультет. «Вдруг» выяснилось, что в ДВГУ до осени 1937 г. действовала целая группа преподавателей Востфака — «врагов народа», созданная по прямому указанию председателя Дальневосточного крайисполкома Г. М. Крутова³. В результате возникло «Дело № 14040 единой контрреволюционной шпионско-вредительской организации, существовавшей в ДВ Государственном Университете, входившей в состав право—троцкистского заговора на Дальнем Востоке» (здесь и в последующих цитатах сохранена орфография и пунктуация документов — *В. Д.*).

Материалы следствия наших востоковедов свидетельствуют: в самом начале многие из них были арестованы по обвинениям, которые не давали основания объединить их в одно дело. До января 1938 г. большинство бывших преподавателей Востфака не допрашивались. Аппарат НКВД не справлялся с потоком арестантов, поскольку аресты шли повально и владивостокская тюрьма была перегружена. «Настоящая работа» началась с прибытием во Владивосток следственной бригады чекистов, посланной на помощь Управлению НКВД по Приморскому краю. Дела восточников попали в руки одного из прибывших — оперуполномоченного А. В. Жеребцова⁴ и, надо полагать, дело № 14040 возникло при его непосредственном участии.

¹ Цирен Бадмаев, он же Кимура Аота-Сейдзи, бывший офицер японской армии, сотрудничал с советской разведкой в Китае. В 1928 г., после налета на посольство СССР в Шанхае, вывезен в СССР. Жил во Владивостоке, преподавал японский язык в ДВГУ и на военных курсах. 29 июня 1935 г. арестован по обвинению в шпионаже, что категорически отрицал. Находясь в тюрьме, 2 июля того же года покончил жизнь самоубийством.

² Генрих Самойлович Люшков в ночь с 12 на 13 июня 1938 г. бежал в Маньчжурию. Активно сотрудничал с японской разведкой. В августе 1945 г. расстрелян в г. Дальнем (КНР) по приказу японского командования.

³ Георгий Максимович Крутов был арестован 4 июня 1937 г. как член правотроцкистской организации ДВК, руководимой Гамарником, и за шпионаж в пользу Японии. Приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Сотрудник особого отдела НКВД Особой краснознаменной Дальневосточной армии (г. Хабаровск) Александр Васильевич Жеребцов прибыл во Владивосток 8 января 1938 г. для «доработки материалов по группе ДВГУ». Имел незаконченное высшее (педагогическое) образование, в 1956 г. жил во Владивостоке, работал в Арктическом пароходстве. В это время его допрашивали в качестве свидетеля в связи с реабилитацией востфаковцев, на вопросы отвечал конкретно, но уходил от ответов, которые касались характеристики его личного участия в деле и применения незаконных методов ведения следствия, ссылаясь на забывчивость. За нарушение законности к ответственности не привлекался. Умер во Владивостоке.

Всех, кто проходил по делу № 14040, объединяла лишь работа в университете, вне которого они почти не общались. Уж очень разными были эти люди, их судьбы, пока злой рок не собрал их воедино. 24 мая 1939 г. Восточный факультет ДВГУ должен был отметить сорокалетие. За год до юбилея, 25 апреля 1938 г., выездная сессия военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством диввоенюриста Ионы Никитченко⁵ приговорила девятерых ведущих востоковедов и преподавателей университета к «высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего имущества». Приговор был окончательным и подлежал немедленному исполнению.

Арестант № 1. Александр Петрович Ещенко

Александр Петрович Ещенко родился в 1902 г. в г.Черкасске (бывшая станица Баталпашинская) Краснодарского края, в семье крестьянина. Украинец, член ВКП(б) с 1930 г. Служил в Красной армии, учился на китайском отделении Ленинградского университета, работал в советском консульстве в Китае. В 1936 г. назначен помощником директора и штатным доцентом по экономике Китая и китайскому языку ДВГУ. В том же году избран секретарем парткома. Жил во Владивостоке с семьей. 19 июня 1937 г. решением парторганизации ДВГУ, а на следующий день — решением Ленинского РК ВКП (б) — исключен из партии за связь с врагами народа, развал работы и контрреволюционную деятельность как враг народа, а 28 июня 1937 г. арестован.

Авторы постановления об аресте — оперуполномоченный Г.А.Черезов⁶, начальник 4 отдела Е.А.Курбалов⁷ (визировал), начальник ПОУ НКВД Визель⁸ (утвердил). Санкционировал арест заместитель облпрокурора Вяткин.⁹ В основу обвинения А.П.Ещенко легло решение парторганизации ДВГУ. Около десятка пунктов этого решения перечисляли «преступные» действия Александра Петровича. Одно из обвинений, например, звучало так: «Во время доклада об испанских событиях Ещенко сказал: «Да здравствует тов. Сталин, непосредственный руководитель испанской революции!». Ещенко позволил себе вслух усомниться в справедливости обвинения руководителя Дальтрансугля Котина (он застрелился после политических обвинений на партактиве в Сучане) во вредительстве. Мало того, Ещенко «...вместо политической настороженности взял под защиту семью врага народа», пообещав дочери Котина помочь устроиться на работу. Он же «не поставил вопрос остро... об исключении из Университета Чернявской, у которой брат осужден как троцкист, дядя контрреволюционер Дробнис за вредительскую деятельность расстрелян...». Подобное

⁵ Иона Тихонович Никитченко — член и председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1937—1938 гг. В 1946 г. генерал-лейтенант, член Международного трибунала в Нюрнберге. К уголовной ответственности за нарушения законности в годы сталинского террора не привлекался. Умер в 1967 г. в Москве.

⁶ Георгий Андреевич Черезов предположительно арестован в 1938 г. как участник заговора в органах НКВД.

⁷ Евпатий Андреевич Курбалов арестован 10 мая 1938 г. сотрудниками УНКВД по ДВК, обвинялся в принадлежности к контрреволюционному заговору в НКВД, расстрелян. Реабилитирован.

⁸ Яков Савельевич Визель родился в г. Житомире в семье служащего. Был членом Еврейской социал-демократической партии, затем — ВЛКСМ, ВКП (б). В 1937 г. примыкал к троцкистско-зиновьевской оппозиции. В органах ЧК—ГПУ с 1921 г. В декабре 1937 г., находясь в Хабаровской тюрьме, куда был заключен после ареста как «враг народа», покончил жизнь самоубийством (по официальной версии). Реабилитирован.

⁹ Вяткин был репрессирован в конце 1937 г.

Александр Петрович допускал неоднократно и за это поплатился.

Ещенко, единственный среди арестованных коллег, удостоился свидетельских показаний со стороны (как правило, свидетельствовали друг против друга только арестанты). Очевидцем контрреволюционной троцкистской деятельности Александра Петровича выступила ассистент кафедры органической химии Н.А.Кучумова. 16 февраля 1938 г., через полгода после ареста, состоялся первый допрос. Следователь Жеребцов вынудил Ещенко признаться в принадлежности к контрреволюционной организации в ДВГУ, в том, что был завербован туда И.Т.Быковым (Быков этот эпизод отрицал категорически). Жеребцов попытался сделать из Ещенко японского шпиона, но тот настойчиво отвергал это обвинение. Из него выбили показания на 16 человек, в основном тех, кто был уже арестован и причислен следователем к шпионско-вредительской организации. Примерно пятеро из проходивших по показаниям Ещенко репрессиям не подвергались.

Пункты обвинения варьировались, лишь последний абзац — шпионская деятельность и отторжение ДВ края от Советского Союза — звучал неумолимо во всех протоколах востфаковцев. Этот абзац и вел к смертному приговору.

Судебное заседание по делу А.П.Ещенко длилось 15 минут. Свои показания он подтвердил, в последнем слове ничего сказать не пожелал.

В 1956 г. работниками УКГБ по Приморскому краю по делам А.П.Ещенко и других проведена дополнительная проверка, в ходе которой были допрошены люди, знавшие А.П.Ещенко. Свидетельств, хотя бы косвенных, говорящих о виновности Александра Петровича, найдено не было.

Арестант № 2. Михаил Николаевич Востриков

Родился в 1903 г. в селе Орлово-Гай Ново-Репновского района Саратовской области. Из крестьян. Член ВКП(б) с 1930 г. Был сельским учителем, служил в РККА, учился на японском отделении Востфака ДВГУ, избирался в состав профсоюзного и партийного комитетов. С марта 1937 г. — зам. директора библиотеки ДВГУ, готовился в аспирантуру. Женат. Арестован 14 августа 1937 г. 16 августа исключен из партии как враг народа.

Постановление на арест вынес оперуполномоченный Черезов, утвердил Варенберг¹⁰, санкционировал военный прокурор ТОФ Четвериков. Основанием для ареста М.Н.Вострикова послужили показания бывшего директора ДВГУ А.В.Пономарева¹¹. Пономарев на допросах дал показания на Вострикова и Преображенского, активных студентов-коммунистов. Именно они выступали осенью 1935 г. с требованием исключить Пономарева из партии как бывшего белого офицера. И он был исключен, освобожден от должности директора ДВГУ. В связи с этим напрашивается предположение: Пономарев, сознавая последствия своего ареста, сделал Вострикова и Преображенского «врагами народа».

Пономарев сообщил следствию, что в правотроцкистскую организацию завербован председателем Далькрайисполкома Г.М.Крутовым, но еще во Влади-

¹⁰ Давид Аронович Варенберг — бывший начальник 3 отдела ПОУ НКВД, старший лейтенант госбезопасности, был арестован в сентябре 1937 г. и расстрелян. Реабилитирован.

¹¹ Андрей Викторович Пономарев арестован 23 июня 1937 г. как участник правотроцкистской организации. 8 апреля 1938 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован.

востоке был связан по «контрреволюционной деятельности» с П.И.Шабалкиным¹². Пономареву (якобы со слов Шабалкина) стали известны члены организации Востриков и Преображенский, а также то, что шпионскую работу в ДВГУ вели Феклин и Бадмаев. Сам же Пономарев «по заданию японского консула Ватанабе¹⁴ передавал шпионские сведения преподавателю Востфака Овидиеву». Так был дан толчок целой серии арестов в ДВГУ.

Из материалов дела усматривается, что Востриков был оговорен людьми, которые пострадали и по его вине. Студентом он состоял членом парткома, избирался в профсоюзный комитет, был чрезвычайно энергичен в выискивании врагов, старался всюду подчеркнуть сверхпреданность советской власти. Он был искренне убежден в необходимости борьбы с врагами Советского государства. В феврале 1936 г. в партком ДВГУ поступило заявление студентки В.Кирносовой о том, что в 1935 г. во время практики на Камчатке Востриков получил от японцев в подарок золотые и простые ручные часы. Действовала Кирносова по команде мужа, который вместе с приятелем К.Саенко (оба бывшие студенты Востфака) в лагере на Второй речке ожидали административной высылки. Сотрудник НКВД Черезов допросил Кирносову и Саенко. Документы этого разбирательства оказались в деле Вострикова и послужили основными уликами его работы на японскую разведку.

После ареста Востриков был допрошен только 5 марта 1938 г. Он категорически отвергал все предъявленные ему обвинения. Не признал себя виновным и на суде. Его стойкость вызывает уважение. Из Михаила Николаевича выбивалось не только признание в участии в контрреволюционной организации, но и фамилии соучастников. Несмотря на избиения и пытки, он никого не назвал.

К делу Вострикова приобщены протоколы допросов Овидиева, Феклина, Харнского, Менка, Войлошникова, Ещенко, Пономарева, которые дали показания о его принадлежности к «организации» в ДВГУ. На их основании Жеребцов составил обвинительное заключение, а Диментман и помощник Главного военного прокурора РККА, бригадюр юрист Калугин утвердили это заключение. Дело Вострикова рассматривалось 15 минут. Результат — «двадцатка». Так судьи отдали должное стойкости Вострикова, не лишив его жизни.

Ожидая этапа на Колыму во владивостокской пересылке, Востриков продолжал бороться за свою честь. С мая по сентябрь 1938 г. он написал и умудрился отправить на имя Сталина четыре письма. Надо сказать, что три из них дошли до канцелярии генсека и были переправлены в Прокуратуру СССР со штампом «Для рассмотрения по существу». Там они пролежали до февраля 1941 г. Проверка жалобы началась, когда Вострикова уже не было в живых — он умер на Колыме. Сотрудники НКВД, фабриковавшие дела, к этому времени тоже получили свое.

Арестант № 3. Константин Андреевич Харнский

Родился 30 мая 1884 г. в мест.Кальвария бывшей Сувальской губернии (Литва), в семье офицера. Потомственный дворянин Полтавской губернии. Социалист-федералист, а затем — член ВКП(б), окончил III Московский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское учи-

¹² Павел Иванович Шабалкин — профессор кафедры марксизма Хабаровского мединститута, арестован 1 апреля 1936 г. Реабилитирован в июле 1956 г. Жил в Москве, помогал историку Рою Медведеву в создании книги «О Сталине и сталинизме».

¹³ Константин Александрович Преображенский. Был студентом японского отделения ДВГУ, избирался секретарем 2-го партколлектива. Арестован по обвинению в антисоветской агитации 9 июня 1937 г. Осужден к 6 годам ИТЛ. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁴ Рие Ватанабе в 1930-х годах занимал пост Генерального консула Японии во Владивостоке.

лише. Был слушателем Окружной подготовительной школы восточных языков. С октября 1914 г. — в действующей армии, был тяжело контужен. Награжден за отличия в боях орденами Св. Станислава 3 и 2 степеней с мечами и бантом, Св. Анны 3 и 2 степеней с мечами и бантом. В 1919—1920 гг. был переводчиком Дальзохраны Омского правительства¹⁵ и штаба оккупационных войск США, затем — пом. начальника разведывательного отделения штаба войск Временного правительства Приморской областной земской управы (последний чин — капитан). С 1920 г. — корреспондент отделения ДальТА ДВР в Пекине, затем — зав. информационным отделом МИД ДВР, секретарь дипломатической миссии ДВР в Китае и т.д. С весны 1930 г. — научный сотрудник ДВ филиала АН СССР и по совместительству преподаватель Востфака ДВГУ.

К.А. Харнский первый разведывательный опыт получил в 1912—1914 гг. в служебной командировке в Японии в качестве слушателя-практиканта Окружной школы восточных языков. В 1917—1920 г. он был кадровым сотрудником (агентуристом) в разведке Приамурского военного округа при царе, при Керенском, при Колчаке и в войсках правительства Приморской областной земской управы.

Постановление о привлечении к уголовной ответственности в отношении К.А. Харнского было заготовлено еще в июле 1937 г. Его авторы — оперуполномоченный Бугаев¹⁶ и начальник отдела Варенберг. Начальник УНКВД Визель утвердил его 28 июля, без визы прокурора. Формулировка первоначального обвинения: «...достаточно изобличается в том, что является агентом иностранного государства, в пользу которого вел шпионскую работу в СССР...». Однако 10 августа (документ за тем же авторством) Харнский «достаточно изобличается», но уже в том, что «среди преподавателей ДВГУ вел троцкистскую агитацию». На сей раз арест был санкционирован 31 августа облпрокурором Вяткиным.

Складывается впечатление, что в НКВД толком не знали, за какое преступление следует арестовать Константина Андреевича. Тем не менее, в ноябре 1937 г. (дата отсутствует) появилось еще одно постановление. К этому времени Визель и Варенберг были арестованы как враги народа, и новый документ сочинили Курбалов и Шеремет, утвердил зам. начальника УНКВД Чугунов. С первыми двумя постановлениями К.А. Харнский был ознакомлен только 31 января 1938 г., последнее он не подписывал. Впервые он был допрошен 29 января Дегтяревым¹⁷. Все, что рассказал Константин Андреевич, и то, что придумал следователь, содержится в единственном протоколе. Затем — очные ставки с Н.П. Овидиевым и И.С. Менка. Харнский подтвердил их свидетельства и признал себя виновным.

Бывший сотрудник НКВД Пак Сен-Хун¹⁸, арестованный в ноябре 1938 г. по подозрению в шпионской деятельности, направил из тюрьмы заявление начальнику следственной части УНКВД о том, что к подследственным работникам ДВГУ применялись незаконные методы следствия, например конвейерный допрос; «стойка» (так называлась пытка) длилась до 15 суток без отдыха. Для Харнского это испытание было невыносимо — он отличался слабым здоровьем, сказывалась и тяжелая контузия 1916 года.

Суд над Константином Андреевичем Харнским начался в 22.40 25 апреля

¹⁵ Так указано Харнским. Но учреждения с таким названием в годы колчаковщины не существовало. В 1919 г. действовало Приморское областное управление Государственной охраны МВД Временного всероссийского (Омского) правительства. Это управление было органом контрразведки и политического сыска.

¹⁶ Валентин Ефимович Бугаев в ноябре 1940 г. осужден к 8 годам ИТЛ за нарушение соцзаконности.

¹⁷ Николай Дмитриевич Дегтярев — начальник отделения ПОУ НКВД в 1938—1939 гг. Применял к арестованным меры физического воздействия, создавал дела на вымышленных материалах. В 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД СССР Приморского округа осужден к 10 годам ИТЛ и к поражению в правах сроком на 3 года.

1938 г., и через 15 минут прозвучал приговор: к расстрелу. Рок настиг и семью Харнского. 18 ноября 1937 г. была арестована его жена, Елена Романовна Харнская, работавшая фитопатологом Карантинной лаборатории. Сына Всеволода отправили в детский дом.

В 1964 г. в Институте востоковедения АН СССР отметили 80-летие со дня рождения К.А.Харнского. Его сохранившееся литературное наследие получило высокую оценку ученых. К сожалению, исчезли рукописи Константина Андреевича: история Кореи (около 800 стр.), Японии (около 300 стр.), Китая (около 400 стр.) и сто страниц «Истории колониального захвата стран Тихоокеанского бассейна», кроме того — солидная картотека по истории, экономике и политике стран Тихого Океана.

Арестант № 4. Константин Павлович Феклин

Родился в 1902 г. во Владивостоке. В 1923 г. был отчислен с третьего курса Востфака ГДУ как сын белогвардейского офицера. Был музыкантом, переводчиком японского языка, с 1931 г. — преподаватель японского разговорного языка на Востфаке ДВГУ (тогда же закончил образование в Университете). Жил вместе с матерью и сестрой.

Константина Павловича Феклина арестовали 8 сентября 1937 г. по постановлению, которое утвердил Люшков. Мера пресечения — содержание под стражей в Хабаровской тюрьме, санкционировал ее Военный прокурор ОКДВА бригавоенюрист В.А.Блауберг. Как видим, и здесь веревочка протянулась из Хабаровска от бывшего директора университета Пономарева. До 1931 г. К.П.Феклин работал переводчиком на рыбных промыслах Камчатки и по роду службы общался с японскими промысловиками и концессионерами. В 1934 г. его попытались обвинить в шпионаже, но не удалось, и Феклин был освобожден. В 1937-м те материалы пригодились. Именно в них «прозвучало» однажды имя японца-переводчика Кайхо, с которым Константин Павлович выпивал в одной компании на каком-то приеме. Этого стало достаточно, чтобы сделать из К.П.Феклина японского шпиона. Причем в протоколах имя японца немилосердно искажалось, его называли также Камхо, Конхо.

К.П.Феклин был допрошен вскоре после ареста — 10 сентября. В этот же день (видимо, после соответствующей обработки перед допросом) он написал заявление начальнику облуправления НКВД Диментману с признанием в «грехах». Следователи Терский¹⁹ и Дегтярев добились от него того, чего хотели. Константин Павлович был вынужден назвать 10 фамилий — шестеро названных были востфаковцами и шли по одному с ним делу. В последующем Феклина использовали на очных ставках с Овидиевым, Быковым, Менка и Нельгиным. Обвинительное заключение сочинил все тот же Жеребцов, утвердили Диментман и Калугин. 21.40—22.00 — время, отведенное для суда над К.П.Феклиным. В 1956 г. Константин Павлович был реабилитирован. Судя по

¹⁸ В марте 1940 г. дело Пак Сен-Хуна прекращено, и он был освобожден. 11 февраля 1989 г. Пак Сен-Хун выступил со статьей «Воспоминания работника НКВД» в газете «Тихоокеанский комсомолец» (Владивосток) с разоблачением деятельности НКВД Приморья в 30-е годы, где допустил целый ряд неточностей. В частности, указал, что был арестован Визелем, который погиб в 1937 г., еще до этого ареста.

¹⁹ Владимир Нестерович Терский — бывший начальник 3 отдела ПОУ НКВД. Уволен в 1938 г. «за невозможностью дальнейшего использования».

всему, мы потеряли талантливого педагога и не менее талантливого лингвиста.

Арестант № 5. Николай Петрович Овидиев

Родился 25 апреля 1891 г. в г.Алатырь Симбирской губернии в семье священнослужителя. Потомственный почетный гражданин. Окончил Алатырскую духовную семинарию, японо-китайское отделение Восточного института. В 1916 г. был признан неспособным к несению военной службы, работал зав. переводческой частью журнала «Нитиро Дзицугё Симпо» («Вести русско-японского предпринимательства», Токио, Япония), был переводчиком информотдела Дальревкома, разведотдела 5-й армии. С октября 1924 г. — преподаватель японского языка в ДГУ и одновременно — переводчик особого отдела 5-й армии. С 1932 г. — зав. кафедрой японского языка Университета. Жил во Владивостоке вместе с матерью, сестрой и сыном.

Постановление об аресте (его «автор» Черезов) Н.П.Овидиева появилось 10 сентября 1937 г. В нем значилось: «...достаточно изобличается как резидент японской разведки и участник к-р шпионско-вредительской организации при ДВГУ» (на документе нет подписи Николая Петровича, которая предусматривалась законом и означала, что арестованный с документом знаком). Для подкрепления обвинительных материалов Овидиева заставили написать на себя заявление сразу же после ареста.

Николая Петровича допрашивали Черезов и Курбалов. Протокол получился объемистый. Кто-то внес поправку: завербован японцами не в 1919, а в 1922 г. (в 1919 г. японцы могли завербовать россиянина только для работы против Колчаковского режима, другое дело — 1922 год, когда они готовились очистить Приморье и должны были обеспечить себя агентами для работы против Советского государства). Можно не сомневаться, что японская разведка оставила в Приморье своих людей. Можно, в конце концов, предположить, что одним из них был Н.П.Овидиев. Однако в деле, кроме голословных свидетельств, нет ни одного документа, ни одного вещественного доказательства этого.

Овидиев «признался», что завербовал в японскую разведку своих коллег по Востфаку Трофима Юркевича и Константина Харнского. Подобное признание — самый веский аргумент, свидетельствующий о фабрикации обвинения. Николай Петрович был просто не способен завербовать для работы на японцев таких специалистов разведки, как Харнский и Юркевич. О Харнском было сказано выше, а что касается Т.С.Юркевича, то он с 1919 г. и до ареста меркуловской охранкой (в конце 1921 г.) работал переводчиком в японском штабе и снабжал развединформацией владивостокское большевистское подполье.

Судебная расправа была короткой — начали в 21.20, закончили в 21.40. Исполнение приговора (высшая мера) — немедленное. Справку о реабилитации Н.П.Овидиева в 1957 г. получил его старший сын Анатолий Николаевич, который жил все в том же доме, где был арестован его отец.

В протоколах допросов Овидиева появляется нечто новое. Если осенью 1937 г. владивостокских востоковедов наряду со шпионажем обвиняли в правотроцкистском заговоре, то на сей раз троцкизм отошел, в материалах появился «японо-лингвистический фронт». 5 ноября 1937 г. по делу № 14040 было арестовано сразу четверо: З.Н.Матвеев, В.А.Войлошников, Т.И.Быков, Е.С.Нельгин, а 6 ноября взяли последнего — И.С.Менка. Таким образом с деятельностью «шпионской организации» в ДВГУ было покончено. После ареста «заго-

ворщики», томясь в неизвестности, ожидали допросов три месяца. Первым из этих арестованных востоковедов был допрошен Иван Тихонович Быков.

Арестант № 6. Иван Тихонович Быков

Родился 3 сентября 1902 г. на хуторе Быков Путивльского района Черниговской области. Из крестьян. Член ВКП(б) с июля 1922 г. Работал в Дальбюро ЦК РКСМ, в Амурском губкоме РКСМ, был слушателем Крайпартшколы, студентом Восточного факультета Ленинградского университета (по другим данным — Ленинградского восточного института). Женат. Избирался депутатом горсовета, работал преподавателем экономики Японии и секретарем парткома ДВГУ, зав. отделом школ и политпросветработы владивостокского ГК ВКП(б). 23 июня 1937 г. Ленинский райком ВКП(б) утвердил решение первичной парторганизации горкома ВКП(б) об исключении И.Т.Быкова из партии «как двурушника, скрывавшего свои колебания от генеральной линии партии и за связь с врагом народа».

Постановление на арест, заготовленное 2 ноября 1937 г., подписали Курбатов, Шерemet²⁰, Чугунов²¹ и прокурор Четвериков (исполнители Дегтярев и Пак Сен-Хун). На допросе Быков признает «ранее данные показания». На первый взгляд ситуация с допросами не совсем понятна. Разобраться в этой загадке помогло заявление Пак Сен-Хуна, направленное им после своего ареста начальнику следственного отдела. Оказывается, Иван Тихонович первый протокол своего допроса разорвал, не стал подписывать, так как он был написан Жеребцовым заранее. А 31 января на допросе у Пака (надо полагать, после соответствующей обработки) поставил свою подпись под всеми протоколами. Этот факт позволяет заключить, что даты допросов весьма относительны и не отражают действительного положения вещей.

 Делу Быкова суд отвел 15 минут и приговорил его к расстрелу. Дополнительная проверка, проведенная сотрудниками УКГБ по Приморскому краю, установила полную невинность Ивана Тихоновича. 2 апреля 1957 г. состоялась его официальная реабилитация.

Арестант № 7. Зотик Николаевич Матвеев

Родился 2 ноября 1889 г. во Владивостоке. Член РСДРП (меньшевиков). Окончил Владивостокскую гимназию, был студентом Петербургского политехнического института (в январе 1911 г. задерживался полицией за пение революционных песен в здании института). Учился на японо-китайском отделении Восточного института, дважды выезжал для практики в Японию. В 1917 г. окончил Иркутскую школу прапорщиков и до июня 1920 г. служил в военной цензуре на Владивостокском городском телеграфе. Работал в ведомстве народного просвещения Временного правительства Приморской области. Окончил исторический факультет ГДУ, заведовал библиотекой ДВГУ, затем библиотекой ДВПИ, был научным сотрудником ДВ филиала АН СССР, доцентом кафедры японского языка Востфака ДВГУ. Только за время работы в ДВГУ написал 30 монографий и 83 статьи. Жил с семьей — женой Анастасией Петровной, дочерью Татьяной и сыном Михаилом.

В ночь на 6 ноября 1937 г. в квартире Зотика Николаевича был произведен обыск, его арестовали. С постановлением на арест он ознакомился лишь 8 февраля 1938 г., когда был вызван Жеребцовым на допрос. Первый протокол допроса содержал, главным образом, вопросы и ответы, касающиеся семейства

²⁰ Начальник 4 отдела ПОУ НКВД Константин Игнатьевич Шерemet по приказу Диментмана арестовал около 40 человек из партийного актива города. Ввел в отделе как метод допроса арестованных физическое воздействие. В марте 1940 г. осужден к 10 годам ИТЛ. Судьба неизвестна.

²¹ Чугунов — до ноября 1937 г. заместитель начальника ПОУ НКВД. По неточным данным, арестован и расстрелян как заговорщик в начале 1938 г.

Матвеевых. Зотик Николаевич говорил о себе, об отце, живущем в Японии, о своих «грехах». Но по всему было видно, что такой протокол Жеребцова и его начальство не устраивал, и поэтому 25 февраля состоялся повторный допрос, который вели Терский и Жеребцов. По протоколу (его объем — 26 страниц) проходит 15 человек, на которых З.Н.Матвеев «дал» показания. Из них одни были арестованы еще до 1937 г., другие давно выехали в центральные районы страны, третьи умерли. По инициативе Жеребцова получил новую интерпретацию арест отца Зотика Николаевича — Н.Н.Матвеева в 1907 г.: «... среди его знакомых имелись японские разведчики. Это давало повод жандармерии держать отца на подозрении, а в официальных кругах Владивостока считать отца японским шпионом». В качестве «контрреволюционеров» из университетских коллег по показаниям З.Матвеева проходят только Овидиев, Феклин, Харнский и Менка, в отношении других он ничего не сообщил.

Возможно, Зотик Николаевич чувствовал, что времени на земле ему отпущено мало, и торопился работать. Он многое успел: монографии, научные и публицистические статьи, теоретические и популярные лекции. Трудно очертить круг его интересов: библиография и экономика, история и краеведение, педагогика и языкознание. Матвеев собирал материалы для издания энциклопедического словаря Дальнего Востока, который так и не вышел в свет. 20 октября 1956 г. Зотик Николаевич Матвеев (первым из репрессированных востфаковцев) был реабилитирован.

Арестант № 8. Василий Александрович Войлошников

Родился 10 февраля 1895 г. в с.Саган-Олуй Борзинского района Читинской области. Из казаков, был призван в царскую армию, затем учился в Иркутском юнкерском училище. Во время юнкерского мятежа сражался на стороне Советов в составе 12-го Сибирского полка. С марта 1917 г. член РСДРП, избирался в Комитет общественной безопасности Забайкалья и Читинский Совет рабочих и солдатских депутатов. Член ВКП(б) с мая 1918 г. Отца-большевика расстреляли белогвардейцы. Окончил Читинское городское училище, учительствовал в селах Забайкалья. Служил в Красной армии на командных должностях. Был советником в армии Гоминдана в Китае (Пекин, Кантон, Нанкин), по неточным данным, участвовал в Великом Северном походе китайской армии. Был доцентом и завкафедрой Хабаровского института народного хозяйства, директором техникума КВЖД в г.Харбине (Маньчжурия), деканом восточного факультета ДВГУ. Жил во Владивостоке с женой и сыном.

В 1936 г. бюро Владивостокского горкома ВКП(б) утвердило по результатам «чистки» характеристику В.А.Войлошникова, в которой перечислялись его революционные заслуги. Василию Александровичу вроде бы ничего не грозило. Но 21 октября 1937 г. решением Ленинского РК ВКП(б) В.А.Войлошников исключен из партии за «связь и покровительство японским шпионам». В решении отмечалось, что в течение четырех лет он давал положительные характеристики Овидиеву, Феклину, Юркевичу и Харнскому, которые вели шпионскую работу, защищал их от критики студентов, привлекал на работу в университет японских шпионов Тонегавы, Ким-Хо²², Преображенского и других; кроме того, «в учебный план включалось изучение древней литературы, написанной старым языком, недопустимым для студентов», и т.д. По всему, надо было ждать ареста, и он вскоре последовал. 8—9 февраля 1938 г. допросы вели Терский и Дегтярев, а 14 февраля Пак Сен-Хун оформил признание Василия Александровича. Расклад выглядит довольно странным. Однако, зная уже ме-

²² Ким-Хо, преподаватель японского языка ДВГУ, арестован в 1935 г. как троцкист. Сведений о его дальнейшей судьбе нет.

тодику «работы» Жеребцова и его сослуживцев, можно предположить развитие событий: 7 февраля — попытка получить признание, но безрезультатно; 8—9 февраля — предполагалось получить подпись под протоколом допроса, изготовленного заранее, но тоже безуспешно, а 14 февраля, после соответствующей обработки, Войлошников подписал все протоколы. Дальнейшее поведение Войлошникова нашу версию полностью подтверждает. Василий Александрович осознал свое положение и нашел в себе силы к сопротивлению: почти месяц передышки помог ему.

25 апреля за 15 минут судьи из военной коллегии рассмотрели дело В.А.Войлошникова и приговорили его к расстрелу. Василий Александрович и здесь отказался от своих показаний на предварительном следствии, заявил, что оговорил себя и других по малодушию. Так записано в протоколе судебного заседания.

Применение пыток и избиения востфаковцев нашло подтверждение позже. В заключении главной военной прокуратуры о реабилитации Войлошникова и других от 19.12.1956 г. сказано: «Из показаний Пак Сен Хуна и Хренова²³, а также допрошенного в 1955 г. Жеребцова — бывших сотрудников НКВД, видно, что к работникам Дальневосточного государственного университета, осужденным в 1938 г., применялись незаконные методы ведения следствия».

12 мая 1938 г. арестовали жену В.А.Войлошникова — Юлию Васильевну, а 31 июля ее приговорили к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Сына успели взять к себе родители Юлии Васильевны. Василий Александрович Войлошников реабилитирован 2 апреля 1957 г., а его жена Юлия Васильевна — 11 ноября того же года.

Арестант № 9. Евгений Степанович Нельгин

Родился 12 марта 1882 г. в Петербургской губернии. Сын офицера. Закончил японское отделение частной Практической академии Позднеева в Петрограде. В марте-декабре 1904 г. вместе с отцом находился в Порт-Артуре, затем последовал за отцом-военнопленным в Японию. Жил с родителями в Харбине, а с 1908 г. — в Иркутске. Служил переводчиком японского языка, в разведывательном отделении штаба Иркутского военного округа. С государственной службы уволился по семейным обстоятельствам в чине губернского секретаря. После революции был переводчиком японского языка в особом отделе 5-й армии (Владивосток). С 1926 г. и до ареста работал в Восточном отделе библиотеки ДВГУ, последнее время заведующим. Жил вместе с матерью Елизаветой Васильевной Нельгиной.

Е.С.Нельгин был арестован 5 ноября 1937 г. Все шло по уже заведенному порядку: постановление об избрании меры пресечения, обыск, арест. В ходе обыска Курбаловым изъяты личные документы, часы, облигации на сумму 1125 рублей и «разная переписка в двух папках». В протоколе обыска нет отметки о присутствии понятых, их, наверное, и не было. Евгений Степанович обвинялся в принадлежности к японской разведке и контрреволюционной организации. Основанием послужили показания Н.П.Овидиева и информация из Иркутского КРО ОГПУ от 1924 г., где сказано, что по списку белых офицеров, проживавших в Иркутской области, проходит Нельгин (других данных нет), по непроверенным данным, служивший в контрразведке Колчака.

Нельгин был допрошен Терским и Жеребцовым 14 февраля 1938 г., это был единственный допрос, хотя «работать» с ним следователи начали раньше. Анкета арестованного заполнена Жеребцовым 8 февраля. В этой анкете частная

²³ Елизар Прокопьевич Хренов — бывший зам. начальника 3 отдела ПОУ НКВД. В 1940 г. осужден к высшей мере наказания за нарушения социалистической законности.

Практическая академия превратилась в «Практическую военную академию». Подобных художеств в деле достаточно. По протоколу допроса Нельгин вовлечен в японскую разведку в 1919 г., а по обвинительному заключению — в 1922-м. Нельгин «признает», что в контрреволюционную организацию привлечен Овидиевым в 1932 г., Овидиев же «показал» — в 1933 г., а на очной ставке с Феклиным Нельгин признается, что с 1926 г. «вел подрывную работу» с Погодиным, потом, с 1932 г., с Овидиевым. По одному из протоколов, Нельгин, работая в прессбюро Востфака, передавал информацию Бадмаеву, тут же говорится, что он с Бадмаевым знаком не был.

В Центральном Военно-историческом архиве в Москве обнаружен послужной список Е.С.Нельгина 1914 г. (в те времена к составлению таких списков отношение было очень серьезным). Евгений Степанович был обыкновенным русским человеком, рядовым обывателем, неспособным на какую-либо антигосударственную деятельность. Такие люди были всегда. Ко всему прочему, жизнь Е.Нельгина была осложнена каким-то физическим изъяном (он не сумел закончить реальное училище, не подлежал военной службе, поступил на работу в возрасте 26 лет, был холостяком). В переводчики японского языка разведки и контрразведки штаба Иркутского военного округа он попал благодаря заслугам отца — героя обороны Порт-Артура. Русская разведка и подчинявшаяся ей контрразведка в те годы широко использовала вольнонаемных канцелярских служащих и чиновников, в том числе и переводчиков. Какой-либо серьезной роли они в этих службах не играли, делали переводы прессы и документов. Спрос на людей, знавших восточные языки, был велик. О жизни Е.С.Нельгина в 1914—1921 гг. почти ничего не известно. Справка о предполагаемой службе в контрразведке Колчака скорее всего эхо его службы до 1914 г. Есть кое-какие свидетельства о том, что до революции и позже он зарабатывал на жизнь частными уроками русского языка японским торговцам и переводами, был и безработным. В 1937 г. он, уже пенсионер, работал — надо было кормить мать и существовать самому. В университете держался незаметно, образ жизни вел замкнутый.

25 апреля 1938 г. Никитченко и его подручные приговорили Е.С.Нельгина к расстрелу — на это им понадобилось 20 минут. Евгения Степановича Нельгина реабилитировали 2 апреля 1956 г. Справку о реабилитации переслать было некому.

Арестант № 10. Исаак Самуилович Менка

Родился в 1901 г. в г.Олькуш (Польша), еврей, гражданин СССР. Образование незаконченное высшее, член ВКП(б) с 1925 г. До 1921 г. жил в Австрии, работал на промышленных предприятиях Вены. Он не был членом партии, но выполнял поручения ЦК компартии Австрии. По указанию ЦК эмигрировал в Советский Союз. Работал на предприятиях Омска и Москвы, занимался комсомольской работой, учился на рабфаке, потом в Институте красной профессуры. Преподавал марксизм-ленинизм, руководил кафедрой, избирался членом парткома ДВГУ. С сентября 1936 г. временно исполнял обязанности директора ДВГУ. Жил во Владивостоке, а жена, дочь и сын — в г.Шадринске Курганской области.

И.С.Менка стал последним арестантом по делу № 14040. Его «разоблачение» началось на университетском партсобрании, в протоколе которого записано: «... Менка при разборе вопроса, когда окончится НЭП, утверждал, что НЭП окончится, когда прекратятся рыночные отношения, что явно извращает Ленинско-Сталинское учение о НЭПе». И.С.Менка был приговорен к высшей мере наказания, расстрелу, и за то, что он «как участник организации преподавал Ленинизм...» (так значится в пункте первом обвинения). И.С.Менка был реабилитирован 2 апреля 1957 г. * * *

Десять очень непохожих одна на другую жизней связала в один страшный узел злая воля. Что же послужило поводом для того, чтобы ведущие преподаватели факультета были «изъяты» как троцкисты и шпионы? Исчерпы-

вающий ответ пока невозможен, но есть документы, проливающие свет на это дело. Один из них, из Центрального Госархива РСФСР Дальнего Востока, датированный 13 марта 1937 г., заслуживает особого внимания. Он перекликается с обвинениями, которые вменялись Овидиеву и Феклину, отдельные положения этого документа нашли отражение в делах востфаковцев. Это письмо в Комитет Высшей школы тов. Межлауку (копии — председателю ЦК Пролетстуда и в Обком ВКП(б)) от студента 3 курса японского отделения Востфака ДВГУ Г.И.Осипова. Под письмом поставил также свою подпись студент 5 курса японского отделения А.Д.Бобылев. Письмо Осипова начинается с просьбы «обратить серьезное внимание и принять меры в отношении учебно-методического процесса в ДВГУ востфака, который организован очень плохо». Ну а далее шло перечисление грехов Овидиева и Феклина: «Учебные программы носят произвольный характер. Овидиев Н.П. и Феклин К.П. (не имеет высшего образования) все занятия свели на крайне ограниченный узкий методический уровень и игнорируют самостоятельную работу студентов» и т.п. В письме упоминаются бывшие преподаватели Восточного факультета профессор Е.Спальвин и доцент Т.Юркевич. Об учебнике доцента Юркевича Г.Осипов писал: «... юридического гражданства не имеет, а существует на правах рукописи и содержит много ошибок грамматического и политического характера». Для подтверждения своих слов Осипов и Бобылев выслали на заключение некоторые учебники и программы японской и китайской кафедр. Можно не сомневаться, что это письмо сыграло свою роль в подготовке ареста не только Овидиева и Феклина, что именно с него начался разгром Восточного факультета и всего университета (кстати, в 1956 г., в ходе реабилитации владивостокских востоковедов, Осипов допрашивался в качестве свидетеля, но говорил уже другое. Довольно доброжелательно отозвался и о Феклине. Когда он был более искренним, ответить трудно).

Следует считать, что письмо достигло Москвы и оттуда пришел ответ не только в университет, но и в Управление НКВД с соответствующими рекомендациями, т.к. на допросе Н.Овидиева в феврале 1938 г. впервые возникла тема «Борьбы на японо-лингвистическом фронте СССР». В пользу этой версии говорит следующее: распространение «борьбы» на все «востоковедные ВУЗы»; сбор «компромата» на сотрудника Института мирового хозяйства (Москва) япониста, профессора Мацокина; атака на «так называемую» «старую», «реакционную» «Владивостокскую школу японоведения», сбор обвинительных материалов на бывшего доцента ДВГУ (а в то время — жителя Москвы) Т.С.Юркевича.

Выше уже говорилось, что владивостокская школа востоковедения располагала высокой научной и педагогической репутацией, была известна и за рубежом. Ее авторитет сохранился и при советской власти. Так что не только НКВД был заинтересован в изъятии специалистов владивостокской школы, но и те, кто не хотел признать приоритет провинциальной научно-педагогической школы. Этот вывод позволили сделать свидетельства 50-х годов (в пору реабилитации) бывших студентов, учившихся в ДВГУ в 1937 г. В те годы конкурентная борьба в науке была не менее острой, нежели в политике, предпринимались самые крайние меры, вплоть до расправы с помощью НКВД. В нашем же случае просматривается противостояние востоковедов Москвы и Владивостока. Доказательством может служить протокол допроса Н.П.Овидиева от 1 февраля 1938 г.: «Хопкинс и Юркевич подтверждали, что контрреволюционная организация ДВГУ являлась филиалом японской разведки на японо-лингвистическом фронте СССР и была использована разведкой для организации так называемой "Владивостокской школы японоведения". Школа, солидаризируясь основоположником японологии старой России, японофилом профессором Спальвиным, прикрытая разведкой авторитетом Мацокина, сторонника Спальвина, развернула борьбу в СССР с советскими японистами». Подобное

могли продиктовать только из Москвы. Т.С.Юркевич еще гулял в Москве на свободе, его арестовали после поступления материалов из Владивостока. Что касается японки Хопкинс, то она, как подданная Великобритании, в конце 1937—начале 1938 г. была выслана из страны, сведений о ее аресте в архивах нет. Спальвин к этому времени умер, а Мацокин работал в Москве в Институте мирового хозяйства.

Таким образом, налицо откровенная фабрикация обвинительных материалов против дальневосточников, работавших в московских учреждениях. В делах наших востоковедов находятся и указания на учреждения, объявившие войну «Владивостокской школе японоведения», в частности упоминаются Московский институт востоковедения им.Нариманова и Исследовательский институт академика Марра. В протоколе допроса З.Н.Матвеева вредительской работой называется создание обстановки склок, ссор и травли между лингвистами-японоведами. Пример — Мацокин с Конрадом (доктор филологии, действительный член АН СССР). В том же протоколе зафиксировано: «Вредительская работа проводилась методами: ... Выделения на японо-лингвистическом фронте как «особой востоковедной школы востфака ДВГУ, который занимал "свою" линию, не признавая ни ленинградских, ни московских советских лингвистов». Вот в чем причина повышенного внимания приморских следователей НКВД к Мацокину, а характер показаний, навязанный Овидиеву, освещает некоторые вопросы, по которым не сходились японоведы «старой» школы и «молодые» советские японоведы.

Кроме того, как «свидетельствуют» документы НКВД, «...японская кафедра восточного факультета ДВГУ ... предложила выехавшему в Москву доценту Юркевич представлять на съезде японистов и солидаризироваться (поддержать) с профессором Мацокином, который намечался на съезде в качестве одного из ответственных докладчиков, обязанных доказать правоту борьбы Владивостокской японоведческой школы. В случае успеха на съезде единомышленников Мацокина, мыслилось, что последнему удастся возглавить кафедру японского языка в московском Институте востоковедения им. Нариманова. Подчинить в этом случае японское отделение института влиянию Владивостокской японоведческой школы, превратив... отделение института в школу для подготовки японских разведчиков. В данном случае руководство подрывной работой на японо-лингвистическом фронте должно перейти в центре в руки Мацокина».

К началу учебного 1938 г. в университете сложилось тяжелейшее положение. Обезлюдел Восточный факультет, кафедра органической химии. 3 июля 1939 г. Наркомпрос РСФСР в Москве принимает решение о расформировании Дальневосточного госуниверситета «в связи с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке». Сегодня эта формулировка выглядит несколько странной, но тогда подобное было обычным делом. Разгром Восточного факультета и расформирование Дальневосточного университета повлекли за собой гибель Восточного отдела библиотеки ДВГУ, растаскивание ее уникальнейших книжных и рукописных фондов.

Историческая справедливость восстановлена. Но наука и культура потеряли талантливых ученых, их труды и архивы, уникальную библиотеку, которую создавали годами. Эти потери невозможны.